

15 апреля 2018 года. Рэйвенхед.

— Пожалуйста! Не делай этого. Я не хочу умирать! — всхлипывал мужчина, один из бугаёв, захваченных в Малфой-Мэноре. Гарри так и не удосужился узнать его имя. Возможно, Дора знала, но она лишь рассказала о том, что он насильник и убийца, хотя о первом он мог бы догадаться и сам, учитывая, что его возлюбленная-метаморфичка посчитала нужным кастрировать этого мужчину.

— Молчи, пёс. У тебя есть лишь одно предназначение — умереть от моей руки, — ответил Гарри с холодным безразличием, хотя его губы дрожали от усилий по сдерживанию ухмылки. Он всегда хотел использовать эту фразу. Джон Айреникус навсегда останется одним из его любимых злодеев.

Мужчина продолжал молить о пощаде. А над ним висел бесцветный кристалл, с острым концом, направленным ему в сердце.

Гарри сделал надрез на руке мужчины, вскрыв вены, и пустил кровь в ритуальный круг. Затем он выбежал из комнаты, захлопнув толстые железные двери.

Меньше чем через минуту стены задрожали, и Гарри разочарованно опустил голову. Не получилось.

Вернувшись в комнату, он без удивления обнаружил, что единственное, что осталось от его подопытного, так это огромное пятно крови... на самом деле, очень даже похожее на картину. Кхорн был бы доволен, не будь он ненавидящей магию маленькой сучкой.

Кристалла и след простыл, а в воздухе витали страх, боль и гнев — последние отголоски

жизни погибшего. Если очистить комнату и сделать её опять пригодной для использования, такое могло бы сойти за убийство.

И снова возвращаемся к чертёжной доске проекта «найти способ хранения магической энергии для последующего использования». Магия просто не хотела существовать в готовой к употреблению форме. Она всегда либо удерживалась в магах, либо струилась в заклинаниях, зачарованных предметах и магических существах. Кристалл предназначался как сосуд, в попытке обойти эту проблему, но все его потуги лишь превращали его в бомбу.

— Нужно что-то, чтобы очистить магию от человеческой примеси и стабилизировать её в чистом виде, — пробормотал про себя Гарри, возвращаясь в комнату, где находилась ранее упомянутая доска с чертежами.

17 апреля 2018 года. Рэйвенхед.

— Ну нет, не может же всё быть так просто, — сказал Гарри, с немалой долей шока пялясь на кучу нумерологических уравнений и не веря в увиденное.

20 апреля 2018 года. Рэйвенхед.

Тонкс проходила по каменным залам Рэйвенхеда в поисках своего мужчины с чувством глубокого отчаяния.

Гарри всегда был склонен заикливаться на своих проектах, но в последнее время он вёл себя просто нелепо. Уже третий день подряд его нужно было вытаскивать из башни, чтобы он лёг спать, и это ещё неизвестно, сколько раз он использовал Маховик Времени.

Как и предполагалось, он сидел в своём кабинете. В отличие от того, что имелся у него на Спеллхейвене, этот был предназначен для магических исследований, а не для управления островом. Стола здесь не было, одну стену занимала огромная доска, другую — книжный шкаф, а в последней имелся проход в другую комнату, которая, как она знала, являлась тщательно организованным архивом с его различными проектами.

В данный момент Гарри сидел в одном из кресел, какие обычно стоят в кабинете психолога, и пялился на доску. Когда она вошла, он повернулся к ней и одарил девушку усталой улыбкой.

— Привет, — произнёс он.

— Даже не уверена, хочу ли я вообще знать, насколько длинным выдался твой день, — спросила она.

— Длинным, — пожал он плечами. Даже этот жест выглядел усталым.

— Ты же понимаешь, что, наняв другого человека заниматься безопасностью острова, у

тебя должно было появиться время для отдыха? — укорила его Тонкс.

— А я отдыхал, — с возмущением возразил Гарри.

— Конечно, отдыхал, — язвительно ответила она. — Подвинься.

Как только он исполнил команду, Дора устроилась так, чтобы её грудь упёрлась в Гарри. Небольшое усилие воли, и её груди раздулись до идеальной формы и размера, чтобы выступить в качестве подушек для его головы. Затем она начала массировать его виски слабым целительным заклинанием, сконцентрированным на кончиках её пальцев, зная, что он, должно быть, заработал себе мигрень. Снова. Отдыхал он тут, ага. Да хера с два.

И само собой, от её прикосновений он вздохнул с облегчением и расслабился, прижавшись к Доре.

— Ты для меня слишком хороша, — пробормотал парень.

— Ты чертовски прав, — согласилась Тонкс. — Чем же ты так увлёкся, раз забил не на одну, а на целых трёх своих подруг? Это опасно, знаешь ли.

Он жестом указал на доску, покрытую нумерологическими уравнениями, в основном математическими, но с магически оживлёнными диаграммами и даже чем-то, похожим на обычные уравнения из химии. Странная штука.

— Ладно, и на что я сейчас смотрю? — спросила она. — Потому что я совсем не понимаю, что тут и к чему.

— Ты никогда не задумывалась, можно ли использовать твою способность метаморфа, чтобы оставаться вечно молодой? — начал Гарри с отвлечённой темы.

Вопрос заставил её задуматься, и она ненадолго прекратила растирать его виски, возобновив процедуру лишь тогда, когда почувствовала, что парень недовольно нахмурился.

— Ну... конечно, задумывалась, но я всегда полагала, что старость рано или поздно меня настигнет, хочу я этого или нет. Я имею в виду, было бы безумием считать, что я родилась фактически бессмертной, не так ли?

И правда, о том, что метаморфы умирали от старости, не имелось ни одной записи, но они встречались настолько редко и были настолько желанны, что в этом не было ничего странного. Тонкс была рада, что не родилась в более раннюю эпоху, где она, скорее всего, стала бы собственностью какого-нибудь извращенца ещё до того, как цифра её возраста стала бы двузначной.

— Но нет ни одной причины, почему это должно быть невозможно, — тихо заметил Гарри. — Смерть от старости — это не что иное, как износ и отказ какого-то биологического компонента, но ты можешь изменять своё тело до такой степени, что такое вряд ли когда-нибудь произойдёт. Ты можешь увеличивать и уменьшать свой возраст, менять пол, заменять органы, перенаправлять кровеносные сосуды, даже наделять себя нечеловеческими чертами, которые каким-то образом функционируют в человеческом теле. Что особенно важно, если тебя ранят, ты сможешь закрыть свои раны, если этому не воспрепятствует какая-либо вредоносная магия. Я не могу придумать ни одной причины, по которой ты не смогла бы сохранить молодость своего тела на неопределённый срок.

— Но это же безумие! — запротестовала Тонкс. Мысль о том, что она родилась, по сути, бессмертной, просто не укладывалась у неё в голове.

— А так ли это? Волшебники и ведьмы живут вдвое дольше обычных людей просто благодаря нашим подсознательным желаниям отсрочить старость. А сколько же лет тебе прибавит столь податливое тело?

— Так вот чем ты занимался здесь всё это время? Снова думал о том, как сделать Луну метаморфомагом? — спросила она, меняя тему, вместо того, чтобы разобраться с её потенциально неограниченной продолжительностью жизни.

Гарри с давних пор восхищался её способностью, но так и не смог её повторить. Он мог мастерски самотрансфигурироваться, но совсем не так, как Дора. И до сих пор был уверен, что, если бы не вырезанные на его теле руны, то у него бы всё получилось. По его словам, они создавали «твёрдые клочки магии» в так называемом «обычном мясе».

Тонкс всё ещё сомневалась в утверждении, что он сможет легко воссоздать талант метаморфа из ничего, но не хотела говорить об этом вслух, боясь, что ей докажут обратное. Уж слишком много Гарри добился за свою короткую жизнь, и уверенности в том, что он не преуспеет и в этом деле, было не так много. На данный момент он просто решил, что даже если они с Флёр не смогут получить эту способность из-за своих напитаемых магией тел, то Луне уж точно ничто не помешает этого сделать.

— Вовсе нет, — ответил Гарри. Какого чёрта он сейчас так развеселился? — Я думал о том, как запастись магической энергией, и тут как бы сама по себе всплыла тема бессмертия. Я решил, что твой маленький талант как нельзя лучше подходит для того, чтобы перейти к этой теме.

— Сама по себе? — повторила она категорично. — Как так же тема бессмертия могла «всплыть сама по себе»?

— Это малость забавная история, — начал объяснять Гарри всё ещё весёлым тоном. — Я проводил исследования по созданию катализатора, который позволил бы мне перегонять и концентрировать неиспользованную магию в стабильную, но всё ещё реактивную форму. Одно шло за другим, и я вдруг случайно выяснил, как создать Философский Камень.

От удивления Тонкс непроизвольно вдавила пальцами по бокам черепа Гарри с гораздо большей силой, чем нужно.

— Чё?.. — выразительно спросила она, игнорируя протестующие звуки, который он издавал в ответ на такое грубое обращение.

Вершина всей алхимии, достигнутая всего однажды, насколько людям было известно, и теперь её сверхуспешный семнадцатилетний парень утверждал, что может это повторить.

Тонкс знала, что Гарри умён и обладает как интуицией, так и страстью к изучению магии, что намного превосходили его чувство осторожности, сдержанности и даже морали... возможно, в большей степени именно морали. Но это было уже слишком. Знаменитые алхимики тратили всю свою жизнь, пытаясь добиться успеха Николаса Фламея, но так и не преуспели, а Гарри разобрался в этом за несколько дней? И совершенно случайно?

Ей оставалось только вздохнуть и опуститься в кресло, но, если так подумать, то удивляться было нечему. В конце концов, алхимия была «наукой» магии, областью магических исследований, что была шире и глубже таких предметов, как Трансфигурация или Зельеварение. И в такие вещи Гарри всегда готов был погрузиться с головой.

...